

Ее называют русской Эдит Пиаф. Необычайной красотой и силы голос, а также потрясающая работоспособность и — как говорят люди, когда-либо знавшие Тамару — ангельский характер сделали из маленькой солистки «Мзиури» звезду мирового масштаба. Таксист долго плутал между подъемными кранами, кучами щебенки и строительным мусором в поисках Южнопортовой улицы. Наконец он не выдержал и с возмущением спросил: «Да кто ж у вас забрался в такую тьмутаракань? Нормальные люди здесь не живут!». То, что не совсем нормальные, я убедилась пару минут спустя, когда попала в квартиру Тамары Гвердцители. «Вы сапоги не снимайте, у нас ковры», — эти слова сразили меня наповал.

В комнату заглянул лопоухий и черноглазый мальчик. «Это мой сын Сандро», — Тамара ласково потрепала сына по волосам.

— Как вы оказались на окраине Москвы? Почему не в центре, чтобы подъезд мраморный со швейцаром?

— У меня все спрашивают, как мы сюда забрались. Мы очень любим эту квартиру, здесь раньше жили мои родственники, а я бывала здесь еще ребенком, здесь же и музицировала. Она была согрета духом нашей большой семьи, которая сейчас разбросана по всему свету: в Москве, в Тбилиси, в Америке и в Израиле. Хотя, я понимаю, что лучше иметь в квартиру в центре, где-нибудь на Тверской.

Я человек тбилисский, но мне близок дух старой Москвы, я люблю бродить по ее старым улочкам. Но куда отсюда перебраться не собираюсь: у нас замечательные соседи, а это очень важно для всей моей семьи. Я не шучу, соседи — величайший фактор в жизни человека. В Грузии говорят, что хороший сосед лучше родственника.

почетными пассажирами рейса Тбилиси—Москва. Но пока никаких скидок как постоянным клиентам нам не делают.

— Наверное, тяжело, когда муж в Тбилиси, а вы здесь. Как вам удается сохранять семью, или она существует чисто формально?

— Супруг работает, он заместитель председателя Государственного телевидения Грузии. Он человек телевизионный, режиссер, и не может без своей работы жить.

— Как же он переживает, что его жена, его женщина существует где-то вдали от него. Это же противоречит грузинскому менталитету?

— У режиссера две любви — телевидение и жена (смеется — Н.М.). А у мужчины нельзя отнимать его дело, это же его стержень. Потому что как только мужчина остается без дела, он сразу перестает быть личностью. Это я знаю по собственной жизни, ви-дела, как во время грузинских событий люди остались без работы.

— Вахтанг Кикабидзе говорил, что во время грузино-абхазского конфликта он не мог петь, не мог работать, видя то, что происходит на его родине. А как вы относитесь к этому конфликту?

— Все это было ужасно, я сама все эти годы, с 92-го, не пела в Грузии, просто не могла. Я не могла произнести ни звука. Тбилиси бомбили, было разрушено полгорода. О каких песнях на руинах могла идти речь?! Первый раз спела этой осенью, в октябре: были благотворительные концерты. Три в Кутаиси, деньги пошли в фонд древнейшего храма Баграта, и один концерт в Тбилиси в большом зале филармонии.

Эти три года были испытанием для меня, и только благодаря моей работе во Франции мне удалось сохраниться как певице. Если бы не это, то мне оставалось закрыться в холодной тбилисской квартире и оплакивать мальчиков, погибших на этой

— Ни при одном правительстве я не была в таком жутчайшем фаворе. Грузия была союзной республикой, и все артисты были лимитированы. В «Огоньках» принимали участие двое артистов из Азербайджана, двое из Молдавии и так далее. Тогда я была представительницей Грузии, а сейчас — лицо кавказской национальности. Все помнят, что я пела «Юность моя, ты гори, не сгорай», но, на мой взгляд, там не воспевалась власть, режим — так юность как юность.

— Сейчас многие артисты, как говорится, «звезду гонят», а вы не страдаете этой сиятельной болезнью?

— Что такое звезда? Для меня звезды — это Марлен Дитрих, Грета Гарбо, Верико Анджапаридзе, Клавдия Шульженко. У меня нет звездных заносов типа: «подайте мне лимузин и охрану из пятидесяти человек». Вы знаете, я видела, как Легран приехал однажды на репетицию на мотоцикле, в каске. Это удобно, в Париже очень много машин. И когда через две минуты он подошел к инструменту и его пальцы забегали по клавишам, я поняла, что все эти выпендежи никому не нужны.

— У вас существует какое-либо средство, помогающее вам собраться и успокоиться?

— Чаще всего перед концертами за кулисами стоит моя мама и дает мне последние наставления. Говорит на каком-то странном русско-грузинско-еврейском диалекте ласкательные слова, подбадривает меня. У нас с мамой очень близкие и душевные отношения, я без нее жить не могу. Она мой ангел-хранитель. Муж говорит, что женился сразу на двух женщинах — на мне и на моей маме.

— С кем из поэтов и композиторов вы работаете сейчас?

— С 89-го года мы дружим с Юрой Рыбчинским; несмотря на то, что он живет в Киеве, в другом государстве, мы очень плотно сотрудничаем. Я просто наслаждаюсь его стихами, музыку для меня пишут Татарченко, Назаров, а сейчас мы записали несколько песен с Симоном Осиашвили.

— Одна известная певица призналась, что если при первом прослушивании песни у нее начинают бегать мурашки, то сразу ясно, что песня ее. А как у вас происходит выбор «своих» песен?

— Я всегда стараюсь пропустить песню через себя, сажусь к роялю, играю и напеваю. Если у меня появляются ощущения, что как бы я ее написала — принимаю: это мое. А если присутствует ощущение чужеродности, то стараюсь от песни отказаться.

— Тамара Гвердцители богатая женщина?

— ...

— Хорошо, что для вас деньги? Они дают вам чувство собственной значимости, уверенности в завтрашнем дне или что-то другое?

— Деньги — это средство к осуществлению собственных идей, например, построить маленький театр. Театр в самом лучшем ее понятии. Мне хотелось бы приглашать на его сцену талантливых, достойных артистов любого жанра.

— Чем вас можно обидеть?

— Всем. Я очень ранимый человек, не могу быть грубой, резкой, не могу и не умею руководить. У меня нет сильного кулака, мне этого очень не хватает. Когда приходится работать с людьми, нужна эдакая Тэтчер в музыке, сильная и уверенная, — я не такая, а люди мягкости не понимают.

— Есть ли у вас свой имиджмейкер?

— Имиджмейкер? Какое смешное слово. В нашем цехе имджмейкером является режиссер. Я была бы счастлива, если бы сейчас были живы Тенгиз Абуладзе, Серж Параджанов. Мне очень не хватает режиссера, которому я могла бы полностью довериться, который бы меня понимал. Ведь режиссеры рожают артистов.

— А кто занимается вашим гардеробом?

— У меня нет огромных шкафов с немереным количеством концертных нарядов. Мне они не нужны, потому что чем женщина красивее, тем у нее ограниченнее выбор стиля. Есть человек, занимающийся моим гардеробом, его зовут Хуан Карлос. Он по происхождению латиноамериканец, но живет в Париже и работает в фирме «Ив Сен-Лоран». Хуан Карлос считает, что женщина никогда не должна выглядеть в своем наряде смешной и устраивать себе третью молодость. Он меня пропитал этими идеями. И я уже никогда не попытаюсь разыгрывать из себя пятнадцатилетнюю девочку.

— Я поняла, что вы очень спокойно относитесь к процессу естественного старения. Как вы считаете, насколько женщине важно ощущать собственный возраст и быть с ним в ладу?

— Я задумывалась над этим. Страшно, когда люди начинают пугаться собственного возраста. И одним из последних потрясений стал юбилейный концерт Майи Плисецкой в Большом театре. Я поняла, что человек способен победить собственный возраст. Алисе Фрейндлих шестьдесят, но при виде ее я просто немею — но не все Плисецкие и Фрейндлих, не всем это дано. Мне кажется: уже в девочках стоит воспитывать, что морщины — не самое главное в женщине. Леграну 63 года — он мужчина, он может курить, быть небрит, он в кроссовках может прийти на репетицию — женщина же себе такого позволить не может, она должна себя хранить.

— Вы придерживаетесь диеты или ныне модного в бонде вегетарианства?

— Нет, я, как любой вокалист, ем мясо. Это необходимо и для голоса, и для здоровья, еще есть такое выражение «антрекот для вокалиста». Обожаю шоколад, вы посмотрите, какие бонбоньерки стали наши делаты!

Тамара с восторгом стала демонстрировать двухъярусное творение российских кондитеров. Неожиданно коробка упала, и все конфеты раскатились по комнате. И мы, чисто по-бабьи, на четвереньках, стали подбирать с пола шоколадные сердечки и медальки. Складывали их в блестящую коробку, а Тамара все сокрушалась над собственной неловкостью.

— А вино какое предпочитаете?

— Особенно люблю красное, грузинское — «Хванчкару», любимое вино Сталина. А еще люблю шампанское, только настоящее, французское. В нем есть какой-то искрометный праздник, мне нравится, что этот напиток имеет свое настроение.

— О вас не ходит никаких светских и закулисных сплетен, что, мол, она появилась с одним, потом с другим. Вы являетесь воплощением верной жены или вам удается хранить свои маленькие тайны?

— Знаете, если женщина, даже самая известная, не хочет, чтобы ее частные отношения стали достижением прессы, она это прекрасно сможет скрыть. А если появляются про кого-то сплетни и разговоры, то, значит, они сами этого хотят. Мне не нужны скандальные истории, да я и не любительница сомнительных романов.

— Случалось ли вам оправдываться перед собственным мужем за какие-либо недоразумения?

— Как и любой мужчина-грузин, он очень ревнив. Но я ему всегда пою — не ревнуй меня к Парижу, не ревнуй меня к Москве. Бывают, конечно, безумно страстные поклонники, которые просто не дают прохода и выражают свои чувства чересчур бурно. Но супруг понимает всю специфику моей работы. Все-таки, я считаю, что настоящий мужчина должен быть чуткой ревнив.

— Интересно, вы когда-нибудь пересечетесь с мужем в одном городе, или так и будет существовать ваша семья в разных городах-государствах?

— Да, надеюсь, что мы наконец-то в скором времени будем жить вместе, нормальной семьей. Правда, еще не решили где — в Москве или Тбилиси.

Наталья МИРОНОВА.

Моск. камер. моллч. 1996. - 27 янв. - с. 2.

АНТРЕКОТ ДЛЯ СОЛИСТА

Тамара Гвердцители: «Сейчас я лицо кавказской национальности»

— Ходят разговоры, что вы хотите окончательно перебраться в Париж?

— Эти слухи существуют уже довольно давно, с началом перестройки. Почему-то меня все хотят отправить и определить в Париж. Для себя я уже решила, что могу жить только в Тбилиси или Москве, а в Париж я наезжаю поработать.

— Вас неоднократно сравнивали с Эдит Пиаф, а вы сами можете объяснить собственную популярность у французской публики?

— Это какое-то таинство, которое я сама не могу разгадать. Так получилось, что в восемьдесят восьмом году состоялось мое первое выступление в Париже, затем был мой концерт в «Олимпии». И сразу после этого произошла наша встреча с легендарным Мишелем Леграном.

— Какое первое впечатление на вас произвел Легран?

— Колоссальное! Когда он прикасается к инструменту — это все, это оркестр, это классика, это джаз. И это все вместе называется — Легран. Недавно мы выступали в Витебске, спели дуэтом. Мишель как партнер — замечательный, великолепный импровизатор, но, как все гениальные люди, совершенно непредсказуем. Легко может поменять все тональности, всю форму произведения, и ты, если можешь, идешь за ним. С Леграном очень интересно работать в студии, потому что присутствует особое состояние обнаженности, открытости, и все участники записи составляют единое целое, как бы сливаются друг с другом. Мы с Мишелем планируем весной этого года дать несколько концертов в Москве — наверное, они пройдут в концертном зале «Россия».

— На каком языке поете во Франции?

— Когда работаю с Мишелем — в основном на французском, часть песен на английском и русском. Он с наслаждением слушает: говорит, что звучит очень романтично — русский язык и его музыка.

— Ваше сотрудничество с Леграном имеет временный характер, или вы уже полностью нацелены на Запад?

— Как сказал один мудрец — все временное всегда становится вечным. Если следовать этому изречению, то никто не может предугадать, что временно, а что вечно. У меня трехлетний, очень серьезный контракт на работу во Франции и в Америке. Потому что мне как эстрадной певице интересно взаимопонимание в их культуру, в их музыку.

К сожалению, эстраду очень принизили. Знаете, как говорят, есть музыка хорошая и есть разная. Французские шансонье — это же высший класс эстрады. Эстрада — уже искаженное понятие, какая-то легкая музыка, но я стараюсь расширить эти рамки. Потому что обидно — жанр-то потрясающий, любимый. Многие считают меня певицей драматического плана, что-то у меня есть от мюзикла. Хотя для меня самое главное — не быть конъюнктурной, не принадлежать какому-то режиму.

В том жанре, в котором я работаю, существует великий языковой барьер и важен сам звук. Когда я пою в Америке на грузинском или на русском языке и люди в зале не понимают ни единого слова, а плачут и стоя аплодируют — я понимаю, что победила, — флаг в моих руках.

— Какая публика посещает ваши концерты?

— В Париже это довольно элитарная публика, потому как я выступаю вместе с Леграном и уровень сразу понятен. В прошлом году в Америке, в «Карнеги-Холл» 16 апреля состоялся мой сольный концерт. На нем присутствовало пятьдесят процентов коренных американцев и столько же выходцев из России. Многие привели своих детей, которые уже говорят по-русски с акцентом или вообще не знают языка. Но что творилось в зале, когда я запела русские романсы! Все-таки корни дают о себе знать, это невозможно вытравить.

— Вас называют одной из самых интеллигентных певиц нашей эстрады. Это заслуга ваших родителей или самовоспитание?

— С возрастом понимаешь: или тебя задавят, или ты должен распахивать всех локтями. Но не всем это дано, да и не нужно.

Моя мама педагог, она преподавала русский язык и историю, а папа кибернетик. Вся семья очень музыкальная: тети, бабушки, двоюродные братья и сестры — у многих совершенно роскошные голоса. Я слышу на концертах, что мама моя чистокровная одесситка, а папа грузин. Мама — настоящая еврейская мама, именно она разглядела и развила мой талант. Редко встречаются родители, которые способны разглядеть ту самую, божью искру таланта в своем ребенке и не загубить этот дар.

— А вы в своем сыне уже нашли то самое?

— Сандро — творческая личность, ему десять лет, он хорошо рисует, поет. Но говорит, что не хочет быть певцом: «Это будет очень трудно, потому что меня всегда будут сравнивать с тобой». И он решил стать режиссером, как папа, и что до большого кино будет снимать мне клипы — бесплатно.

Мой супруг живет в Тбилиси, он грузин, и мы постоянно курсируем между Тбилиси и Москвой. Наверное, скоро станем

Фото Александра АСТАФЬЕВА

войне. Потому что самое плохое, что может сделать мужчина — это взять в руки оружие и отправиться воевать, а женщина может только оплакивать. Она не может быть за войну — она женщина, это биологически исключается.

— Все ли вас устраивает в нынешней политике грузинского правительства. Как вы относитесь к Шеварднадзе?

— После концерта в Тбилиси мы пошли гулять по городу, пошли в Консерваторию, прошлись по улице Руставели. Я увидела, что восстановлена первая школа, рядом уже работают несколько кафе. На улице золотая осень и люди гуляют нарядно одетые, отдыхают и вокруг разлита такая умиротворенность, что мне подумалось — войны не было, что это был кошмарный сон. Раньше на улицах Тбилиси вы увидели бы только женщин, одетых в черное, и похоронные процессии. Я встретила своих знакомых, увидела радостные лица и поняла, что Шеварднадзе делает все возможное, чтобы жизнь возвратилась на круги своя. На моих концертах зал был набит битком, у меня в глазах стояли слезы, и я поняла, что только теперь я имею право петь.

— А вас никто не упрекнул, что мы были здесь, а ты в Париже отсиживалась?

— Нет, такого не было: во-первых, я постоянно приезжала, во-вторых, я женщина, в-третьих, все, что могла, я делала для своего народа. Я не могла быть на поле боя, и мое главное оружие — это песни, и, если где-то звучит грузинская песня и люди плачут, считается, что я тоже воюю, по-своему.

— Эта война вызвала у людей озлобленность или, наоборот, помогла стать им мудрее? Что грузинский народ вынес из этих событий?

Тамара задумалась, и после затянувшейся паузы у нее на глазах блеснули слезы...

— Люди мудреют от всевозможных жизненных катаклизмов. Война — это колоссальное испытание для всего народа, это ненормальное состояние! Я не хочу сейчас влезать в политику, но мне показалось, что люди стали больше понимать и ценить друг друга, потому что их горе было общим. В Грузии должны жить все — и грузины, и греки, и русские, и абхазы, и все-все. Меня не интересует, какой национальности человек, у нас говорят, что тбилисец — это уже национальности, как парижанин и одессит.

— Вы сказали, что вы не конъюнктурная певица, а в прежние времена вам приходилось выступать перед сильными мира сего?